

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
ВО ФРАНЦИИ

Автор: К. Б. ДЬЯКОНОВ

ДЬЯКОНОВ Константин Борисович - аспирант Института социологии РАН.

Полиэтнические, поликонфессиональные страны, втянутые в мировые процессы, встают перед вызовами, связанными с миграционными потоками, глобализирующимся терроризмом и новыми идентичностями. Выработка продуманной и обоснованной политики регулирования культурного разнообразия, способной ответить на запросы времени, становится для них одной из актуальных задач. В данном контексте изучение опыта западных стран, включая Францию, представляет интерес для России.

Франция среди государств Европы занимает особое место как страна с крайне пестрым "коренным" населением, к которому за последние полвека добавилось значительное число иммигрантов неевропейского происхождения. Эта страна, изначально осуществляющая политику нацистроительства по модели гражданского общества (политический [1] или гражданский [2] национализм), стала объектом возросшего внимания российских обществоведов в связи с событиями в пригородах французских городов осенью 2005 г.¹

В данной статье предпринята попытка рассмотреть особенности процессов интеграции французов иммигрантского происхождения в социально-политическом контексте современной Франции. Автор не претендует на всестороннее исследование проблематики: основной акцент в статье делается на положение французов североафриканского происхождения (бёры²), которые составляют лишь часть от общего числа "некоренных" граждан Франции³.

Основные направления интеграции иммигрантов во французское общество

Можно выделить пять направлений, исследование которых позволит оценить успешность прохождения процесса интеграции: 1) круг общения, включающих соседские, семейные (в т.ч. выбор супруга/супруги) и дружеские контакты; 2) национальная самоидентификация, а именно в каких случаях респонденты идентифицируют себя со страной проживания, а в каких - со страной происхождения своих родителей; 3) культурные практики, которые позволяют оценить успешность интеграции через фиксацию изменений в языке общения, ценностях, в религиозной практике и т.д.; 4) вовлеченность в политический процесс (участие в выборах, в политической жизни страны); 5) получение образования и положение на рынке труда. Рассмотрим каждое из этих направлений подробнее.

Социальные контакты молодежи североафриканского происхождения в целом сопоставимы с таковыми других групп молодых французов [10]. Внутригрупповые (в рамках этнической группы) организованные отношения занимают незначительное место, в этнических или религиозных ассоциациях участвуют единицы. Более половины представителей "второго поколения" (дети иммигрантов) имеют друзей иного, чем у них, происхождения [11]. Длительность пребывания во Франции положительным образом влияет на формирование внегрупповых дружеских контактов. Если среди иммигрантов у 46% лучшие друзья имеют то же происхождение, то у их *детей* - французов иммигрантского происхождения - об аналогичной ситуации заявляют лишь 26% [12, с. 10].

Данные исследований свидетельствуют о значительном снижении числа эндогамных браков среди детей иммигрантов по сравнению с их родителями. Семейное поведение французов с иммигрантскими корнями постепенно приближается к местным нормам, хотя и разными темпами, в зависимости от происхождения. Если среди иммигрантов, выходцев из Алжира, Марокко и Турции, практически каждая вторая женщина выходит замуж за человека, которого для нее выбирает семья, то для родившихся во Франции влияние семьи в значительной степени снижается: менее 5% браков детей алжирских иммигрантов является результатом семейного решения [10, с. 99 - 100]. Число смешанных браков постоянно растет и среди молодых французов с алжирскими корнями достигает 50% на фоне 25% для иммигрантов, родившихся в Алжире [13, с. 204].

Среди французов-мусульман с североафриканскими корнями менее 15% не одобрили бы брак своего сына с немусульманкой. 32% высказались бы против подобного брака для своей дочери [14, с. 14]. Таким образом, хотя существует меньшинство, негативно относящееся к экзогамии, и прежде всего в отношении женщин, для большей части мусульман магрибского происхождения это не представляет проблемы. Для сравнения отметим, что среди "коренных" французов против брака сына/дочери с мусульманкой/мусульманином высказываются около 18% респондентов.

Таким образом, для родителей-иммигрантов наличие окружения и друзей того же происхождения было в значительной степени обязательным условием их успешной адаптации в новой стране. Для их *детей*, родившихся во Франции, при выборе друзей, знакомых, супруга/супруги решающим становится не этническая принадлежность или страна происхождения, а схожий культурный и жизненный опыт: проживание в пригороде, осознание своей принадлежности к бёрам, ислам в основе системы ценностей [15].

Исследований, направленных на выяснение **самоидентификации французских граждан** со страной проживания и/или страной происхождения родителей, крайне мало в силу их "некорректности" с точки зрения как французских социологов, так и общественности [16]. Тем не менее, существующие данные свидетельствуют о все более редких случаях отождествления себя со страной своих предков среди французов магрибского происхождения. Находясь на родине родителей, почти 75% детей иммигрантов чувствует себя иностранцами; прежде всего, это касается выходцев из Алжира [10, с. 102].

Значительное влияние на самоидентификацию оказывает существующая концепция нации и возможность получения гражданства. Дети иммигрантов тем более идеи-

тифицируют себя со страной происхождения своих родителей, чем сильнее их идентификация с нацией в стране проживания [11, с. 124]. В частности, сравнение ответов респондентов, проживающих во Франции, Германии и Великобритании, показывает, что наиболее выражена идентификация с родиной своих родителей именно в Великобритании, где в то же время отмечается самая сильная идентификация со страной проживания, будь то у "коренного" населения или у иммигрантов. В Германии же, наоборот, дети иммигрантов наименее склонны идентифицировать себя со страной, идет ли речь о стране происхождения их родителей или о стране проживания. Франция в этом отношении занимает *промежуточное положение* и скорее ближе к Великобритании, чем к Германии. "Француз и алжирец", "франко-алжирец" - подобные ответы дали 67% опрошенной молодежи иммигрантского происхождения (75% в Великобритании). Лишь 8% респондентов заявили, что ощущают себя "только" французами, при этом 75% из них в то же время отметили "очень сильную" или "сильную" связь со страной происхождения своих родителей [11, С. 125].

В последнее время все чаще отмечаются случаи самоидентификации не с какой-либо конкретной страной, а в целом с Европой или миром. "Космополитами", "европейцами", а не французами себя называют, прежде всего, наиболее успешные потомки североафриканских иммигрантов с хорошим образованием [8, с. 167]. Подобная идентификация также характерна для "коренных" французов, среди которых европейцами и космополитами себя считают, как правило, представители высших слоев общества [17]. Станет ли европейская идентичность альтернативой для бёров или же останется исключительной прерогативой элит, вне зависимости от их происхождения - на эти вопросы еще предстоит ответить.

Анализируя изменения в сфере *культурных практик*, остановимся на двух моментах - использовании французского языка в общении и изменениях в отношении к религиозным предписаниям и ценностям.

Французский язык, начиная с колониальных времен, достаточно широко распространен в Северной Африке. Несмотря на "арабизацию" стран Магриба после обретения независимости, он по-прежнему остается основным языком элиты, доминирующим в сфере высшего образования, науки и культуры. И хотя значительная часть рабочих иммигрантов, приехавших в свое время во Францию, - неграмотные выходцы из североафриканских деревень, не стоит недооценивать символическое значение для них французского языка. Это, в свою очередь, сказалось на сложившейся ситуации: французский все чаще используется иммигрантами и их потомками для общения в семье. Только 13% молодежи алжирского происхождения указывают на язык своих родителей как на родной; хотя более 90% его понимает, лишь немногие могут на нем разговаривать. Более половины бёров (прежде всего те, у кого хотя бы один из родителей уроженец Франции) *в качестве родного языка называют французский* [10, с. 202].

Около 60% французов североафриканского происхождения считают себя *мусульманами*, тогда как среди "коренных" французов католиками себя называет около 65% [14, с. 9]. Обращает на себя внимание сходство процентного соотношения. Стоит отметить, что почти 20% потомков выходцев из стран Северной Африки считают себя неверующими (среди "коренных" французов - 28%), прежде всего это французы с алжирскими корнями (25%). Среди лиц магрибского происхождения лишь каждый пятый (21%) участвует в религиозной службе (пятничная проповедь), по крайней мере, один или два раза в месяц. Для молодежи эти показатели еще ниже. Менее 20% молодых французов с североафриканскими корнями посещают места культа "регулярно", значительная же их часть "никогда" или "почти никогда" не участвовала ни в коллективной молитве в мечети, ни в пятничной проповеди. Таким образом, вырисовывается картина скорее отстраненного отношения французов-мусульман к религиозным практикам в институциональных рамках мечетей: отнюдь не все мусульмане вовлечены в коллективные религиозные практики [14, с. 11]. Можно сказать, ислам как система определенных ежедневных практик и ценностей остается стержнеобразующим прежде всего на индивидуальном уровне, в то время как коллективная организация вокруг мечетей становится все более слабой [14, с. 12].

Роль религии в жизни французов-мусульман не препятствует их положительному восприятию концепции светскости, занимающей важное место во французском публичном пространстве. "Положительно" или "скорее положительно" к идее светскости

относятся 82% [14, с. 17]. Принятие идеи светскости также иллюстрируется предпочтениями в выборе школьного заведения для детей. Лишь 5% мусульман хотели бы, чтобы их дети обучались

в частной мусульманской школе. Остальные же в подавляющем большинстве одобряют создание коранических школ и при этом в таком же большинстве предпочли бы для своих детей светские государственные учебные заведения (67% мусульман) [14, с. 19].

В целом, интеграцию детей иммигрантов в культурной плоскости *можно в значительной степени признать состоявшейся*: для молодых французов североафриканского происхождения основным языком общения является французский, их предпочтения в музыке, еде, одежде в большинстве своем совпадают с таковыми французской молодежи из тех же пригородов, где тон задает американская поп-культура [18]. Ислам остается доминирующим вероисповеданием. Однако для него отмечаются те же тенденции, что и для католицизма, ослабление роли коллективных практик и индивидуальный выбор тех религиозных ценностей, которые сочетаются с ценностями окружающего общества.

Для оценки участия французов магрибского происхождения *в политическом процессе* предлагаются такие индикаторы, как число отказов от французского гражданства среди детей иммигрантов при достижении ими совершеннолетия, внесение в списки избирателей и участие в выборах [13].

Отказ от французского гражданства фиксируется в единичных случаях, почти 100% детей иммигрантов в 18 лет становятся французами. Процент французов - выходцев из стран Северной Африки, зарегистрированных в списках избирателей, несколько ниже, чем в целом по стране (55%), что не обязательно свидетельствует об их протестной позиции: кризис представительных институтов власти наблюдается во Франции среди молодежи в целом [11]. Однако, те, кто вписан, голосуют так же, как и другие, причем активность отмечается выше в регионах, где присутствует сильное движение в поддержку кандидатов от Национального фронта [13]. При голосовании выходцы из стран Северной Африки и их потомки традиционно выбирают партии левого толка (прежде всего, социалистическую - 76% на фоне 54% для страны в среднем). Согласно результатам опроса на выходе с избирательных участков после первого тура президентских выборов 2007 г. 64% назвавших себя мусульманами проголосовали за кандидата от Социалистической партии С. Руаяль, тогда как за Н. Саркози - лишь 1% избирателей, исповедующих ислам [19]. В то же время обращает на себя внимание непропорционально низкая представленность французов магрибского происхождения среди избранных руководителей органов местного самоуправления и депутатов парламента. В Национальной ассамблее из 577 депутатов лишь 2 имеют североафриканское происхождение, а в Сенате из 331 сенатора - 4.

Что касается *получения образования и конкурентоспособности на рынке труда*, то в данном измерении процесс интеграции идет несравнимо *более медленно*, чем в сфере культурных практик. Так ситуация с перенасыщением квалифицированными кадрами является весьма распространенной: лишь 11% выпускников вузов с алжирскими корнями в возрасте от 25 до 33 лет получили соответствующую работу, тогда как доля молодых французов составляет 46% [20, с. 93]. Безработица среди французов иностранного происхождения почти в два раза выше, чем в среднем по Франции, и варьирует в зависимости от этнической принадлежности. Для французов алжирского происхождения ее уровень достигает 35% (для португальского происхождения - 12%). Как для мужчин, так и для женщин алжирского и марокканского происхождения характерен более высокий уровень длительной безработицы.

Резюмируя, можно отметить, что потомки иммигрантов из Северной Африки на сегодняшний день являются французами не только на бумаге, хотя процесс их интеграции еще далек от завершения. Культурная и социальная близость французов магрибского происхождения к выходцам из того же этнического или конфессионального сообщества не препятствует их близости к французам в целом. С точки зрения языка и культурных практик можно говорить о свершившейся *ассимиляции*. Основными же *отличиями остаются большая значимость религии и традиционной модели семьи* в среде бёров. Сохраняющиеся особенности в сфере религиозных и семейных и ценностей и практик отражают логику процесса интеграции, описанную для предыдущих волн иммигрантов. Помимо этого, обозначенные особенности далеки от однородности в том, что касается их "содержания".

Культурная интеграция, однако, не позволяет потомкам иммигрантов участвовать наравне с "коренными" жителями в принимающем обществе, она не приводит необходимым образом к их интеграции в политической и экономической сферах. Школа, учитывая ее цели и задачи, более открыто настроена к французам североафриканского происхождения, чем сфера профессиональной занятости. По сравнению с Великобританией и Германией во Франции "несоответствие между культурной и структурной интеграцией молодежи иммигрантского происхождения наиболее заметно" [11, с. 126]. Это расхождение неизбежно порождает фрустрации среди части иммигрантов и их потомков, которые особенно болезненно воспринимают условия своей жизни, будучи юридически французами. Разделяя западные ценности, в частности, стремление к благополучию, успеху и профессиональному росту, французы магрибского происхождения в большей степени, чем другие, ощущают свой низкий социальный статус, что в ряде случаев выливается в агрессию по отношению к принимающему обществу. Причины подобного несоответствия многие авторы видят в существовании "*завуалированной*" *расовой и этнической дискриминации* [13, с. 204], чему способствует пространственное разделение ряда пригородов, где уже сам факт проживания является достаточным поводом для стигматизации.

Наконец, нельзя исключать существование групп, более или менее крупных, которые предпочитают общение в рамках своего этнического сообщества, выступают против смешанных браков и реже проводят свободное время за занятиями, ассоциируемыми с западным образом жизни. Отстаивающие "особую" идентичность, в той или иной степени конструируемую, они очень заметны в публичном пространстве. Нередко именно эти миноритарные группы способствуют формированию "искаженного" образа французов североафриканского происхождения в общественном дискурсе, в том числе не без участия французских и иностранных СМИ.

Специфика политических практик и интеграция

Французские власти по традиции продолжают отрицать возможность какой бы то ни было "коммунитаристской" политики по отношению к меньшинствам, наподобие той, что имеет место, например, в США в виде *affirmative action*. Такого рода жесткое отстаивание особого понимания гражданства и национальной (гражданской) принадлежности представляет, по сравнению с другими странами, одновременно как преимущество, так и препятствие на пути к интеграции.

С одной стороны, универсалистский характер республиканской "программы" позволяет каждому, даже тем, кто лишь недавно получил французское гражданство, заявлять и отстаивать свою полную принадлежность к нации. В противоречие с республиканскими принципами вступит тот, кто будет отказывать французу североафриканского или любого другого происхождения в его "французское™". В республиканской модели изначально заложена мощная интеграционная "матрица", потому как именно всестороннее применение идеалов нации, а не их реформа или отмена является основой для достижения равенства шансов.

Однако, с другой стороны, отсутствие в государственной политике должного учета расовых и этнических особенностей зачастую препятствует принятию во внимание дискриминации и неравенства, в основе которых оказываются именно расовые и этнические отличия. Принципиальная проблема здесь в том, что в ежедневной практике француз арабского происхождения является жертвой вполне реальной дискриминации, в то время как преимущества от равенства со своими согражданами, прописанные на уровне закона и укорененные во французской политической культуре, в ближайшей перспективе для него не столь очевидны [21, с. 216].

Две основные категории, которыми оперирует официальная статистика, - это иностранные и французские граждане. При этом в рамках последней разница происхождения во внимание не принимается. Однако, как отмечает ряд исследователей, дискриминация затрагивает, прежде всего, лиц иммигрантского происхождения, которые в большинстве своем не только имеют французское гражданство, но и родились во Франции [22, с. 35], т.е. то самое "второе поколение", которое статистика "не видит".

Возможность преодоления традиционных барьеров и получения "этнической" статистики регулярно обсуждается во Франции на самых разных уровнях. Осенью 2006 г.

для обсуждения этого вопроса в Париже была организована конференция [23], а в начале 2007 г. были опубликованы две петиции: против [24] и в поддержку [25] "этнической" статистики, подписанные авторитетными французскими специалистами, общественными и политическими деятелями, что спровоцировало бурные дебаты и обострение полемики между специалистами.

Несмотря на это, приверженность республиканским принципам, а именно непринятие во внимание расовых, этнических или конфессиональных отличий среди французских граждан, остается негласным правилом для всех государственных учреждений и органов власти. Во Франции американская политическая культура, признающая сообщества и меньшинства, рассматривается скорее как способствующая "заточению" иммигрантов и их детей в их этнической идентичности, чем как предоставляющая дополнительную возможность для самореализации и отстаивания своих прав [23, с. 217].

Тем не менее, в политике французского руководства за последние два десятилетия можно отметить определенные меры, касающиеся представителей этнических и религиозных меньшинств, и прежде всего, французов североафриканского происхождения. Анализ французской политической практики позволяет обозначить три направления проводимых мер: 1) признание этнического и расового разнообразия французов; 2) признание ислама, являющегося основным вероисповеданием среди французов магрибского (а также африканского и турецкого) происхождения, и выстраивание отношений между государством и представителями мусульманского клира; 3) разработка и реализация политики так называемой позитивной дискриминации [22] для нивелирования низкого социального статуса и повышения социальной мобильности французов иммигрантского происхождения.

Пионером в признании этнического и расового разнообразия во Франции является бизнес. Для частных предприятий разное этническое происхождение работников стало определенным козырем при освоении новых рынков в международном масштабе. Многие французские крупные компании, начиная с 1990-х гг., стали активно привлекать сотрудников иммигрантского происхождения, не затрагивая при этом вопрос введения квот для меньшинств. Со временем идея была воспринята государственными структурами, которые сегодня также призывают к большему этническому разнообразию в рядах госслужащих.

Принятию общественностью *идеи этнического и расового разнообразия французской нации* также служат регулярные публичные акции с участием руководства страны. В качестве примеров можно привести церемонию торжественного перезахоронения праха А. Дюма, где было особо оговорено происхождение писателя (его бабушка была черной рабыней с Гаити), или же презентацию огромного плаката на фасаде дворца Бурбонов "Марианна сегодня", представляющего 14 девушек разного этнического происхождения в образе Марианны - символа Французской республики. Примечательно и то, что на традиционном ежегодном параде в День взятия Бастилии в первых рядах парадных колонн наряду с "коренными" французами с недавних пор обязательно маршируют военнотружущие магрибского и африканского происхождения [26].

Отметим, что в процессе признания этнического разнообразия французов крайне важную роль играют гражданские объединения, спектр деятельности которых простирается от организации масштабных акций до мониторинга ситуации в различных сферах. В качестве примера можно привести Клуб Аверроэс (Club Averroes) и Клуб XXI век (Club XXIe siecle). Первый был создан в 1997 г. и на сегодняшний день объединяет более 300 профессионалов, работающих в СМИ, которые ведут мониторинг расового и этнического разнообразия во французской прессе и на телевидении, а также проводят акции против расовой сегрегации в СМИ. Деятельность второго Клуба более масштабна. В состав его входят представители так называемой "бёржуазии" [27]: политики, бизнесмены, ученые из среды этнических меньшинств, прежде всего магрибского и африканского происхождения. Помимо регулярных встреч и дискуссий о разнообразии во французском обществе, на которые приглашаются первые лица страны, ведущие ученые и предприниматели, Клуб занимается поддержкой талантливой молодежи иммигрантского происхождения и выступает в качестве своего рода лобби для французов из числа "видимых" этнических меньшинств.

Как шаг в сторону признания разнообразия может рассматриваться и создание Французского совета по делам мусульманского культа (CFCM), что является также

одним из наиболее ярких проявлений политики сегодняшнего руководства Франции, обозначаемой как *"мультикультурализм через религию"* [28, с. 157]. В 2003 г. Н. Саркози, будучи тогда министром внутренних дел, учитывая опыт своих предшественников, проводивших переговоры и консультации с представителями различных мусульманских объединений Франции на протяжении многих лет, сумел прийти к соглашению о создании CFCM. Ключевые позиции в нем поделены между четырьмя основными исламскими объединениями страны; треть членов административного совета была напрямую назначена Министерством внутренних дел Франции. В ряде случаев выход CFCM за теоретически предписанные ему рамки поощрялся французскими государственными деятелями, которые, в частности, рекомендовали совету выступить в роли посредника во время волнений в пригородах осенью 2005 г. Такие деятели, по всей вероятности, настроены к рассмотрению CFCM не только в качестве репрезентативного органа по вопросам культуры, но и как посредника в процессе поддержания общественного порядка. Однако подобное возможно лишь при условии, что мусульмане Франции смогут единодушно признать Совет в качестве выразителя их мнений, что пока далеко не так [21, с. 193]. Отметим еще один момент: после избрания Н. Саркози президентом впервые в правительство Франции вошли "цветные" французы, занявшие посты министра юстиции и госсекретаря при МИД. Новый подход обозначается как политика "реального равенства", которая является "полной противоположностью англо-саксонским моделям" и якобы продолжает линию Ш. Де Голля, отводившего 10% мест в государственных учреждениях для "французов-мусульман" [29].

Отличительная черта политических мер, направленных на изменение социального статуса и повышение социальной мобильности французов североафриканского происхождения, - нацеленность не на какую-либо этническую группу, а на определенные *территории*. И хотя выбор территорий для реализации этих мер не случаен (более того, существуют исследования, показывающие, что при прочих равных условиях средства выделяются именно на кварталы, заселенные определенными этническими группами [22, с. 30]), основным критерием для определения объектов *политики "позитивной дискриминации"* остается место проживания, а не этническая, расовая или конфессиональная принадлежность.

Одним из первых шагов этой политики стало создание правительством социалистов в 1981 г. *приоритетных образовательных зон* - *Zones d'education prioritaires (ZEP)*, - объединивших "проблемные" школьные заведения в особую категорию. Школам ZEP выделяется дополнительное финансирование из бюджета, что позволяет формировать менее загруженные классы, в которых сегодня обучается более 20% французских школьников, в большинстве своем выходцев из среды этнических меньшинств [30].

С 1995 г. у руля политики "позитивной дискриминации", касающейся французов иммигрантского происхождения, стали и по-прежнему остаются представители правых партий (интересно, что при этом они пользуются лишь минимальной поддержкой французов магрибского происхождения, в большинстве голосующих за левых). Среди их наиболее масштабных проектов - выделение в рамках политики городского благоустройства *"трудных городских зон"* - *Zones urbaines sensibles (ZUS)*. Анализ списка ZUS показывает, что эти пригороды и кварталы в значительной степени заселены иммигрантами и их детьми, как, например, в Клиши-су-Буа под Парижем, где начались беспорядки осени 2005 г.

Таким образом, реализуемая политика по отношению к меньшинствам за последние три десятилетия *претерпела значительные изменения*, начиная от "ортодоксального республиканского" подхода, не замечающего никаких различий в рамках французского общества, к видению, обращающему куда большее внимание на реалии и проблемы, связанные с социальным разнообразием.

Переменам способствует и политика Европейского Союза, предполагающая принятие *мультикультурных ценностей* - борьбу против дискриминации и культурное разнообразие - как части европейской идентичности, что ставит под вопрос французскую традицию. Европейское гражданство, определяемое Маастрихтским соглашением, представляет альтернативную модель гражданской принадлежности, совместимую с другими идентичностями (в т.ч. двойное гражданство, полиидентичность), и учитывает новые концепции (например, гражданство не страны, а места проживания), открывая возможности для реализации политики мультикультурализма [31, с. 85].

Умножение новых политических инструментов в течение последних лет отражает консенсус по вопросу о необходимости активной роли государства в содействии интеграции (что может представлять интерес и для России с учетом ее особенностей). Однако перемены эти в значительной степени стали возможны лишь как ответ на всплеск насилия. Именно беспорядки в пригородах осенью 2005 г. - "бунты отчаяния" - мобилизовали усилия властей и во многом определили сегодняшнюю политику Франции по отношению к иммигрантам и французам иммигрантского происхождения, а также способствовали осознанию во французском обществе масштабы стоящих перед ним вызовов. Проводимые меры как *результат компромисса между республиканской традицией и коллективными идентичностями в рамках политики мультикультурализма по-французски* не гарантируют ассимиляции французских иммигрантского происхождения, но могут способствовать обеспечению равных шансов, необходимых для успешной интеграции не столько "новых" французских во французское общество, сколько французского общества в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выделим работы Е. И. Филипповой [3], И. В. Понкина [4], М. К. Любарт [5], А. В. Кудрявцева [6], А. И. Куропятника [7]. Е. Б. Деминцевой [8]. В них исследуются разные стороны жизни и проблемы, с которыми сталкиваются представители магрибского сообщества во Франции.

² Бёр (beur) - "араб" (жаргон.), используется для обозначения жителей пригородов магрибского происхождения. Очень условно можно провести аналогию с русским "кавказец".

³ Начиная с середины XIX в., Франция характеризовалась положительным миграционным сальдо, что отличало ее от большинства европейских стран. Значительная часть французских иммигрантского происхождения сформирована выходцами из Южной Европы, которые вместе составляют 5,2 миллиона человек. Три поколения выходцев из стран Магриба составляют около 3 миллионов человек, или 22% населения иностранного происхождения [9, с. 67].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kohn Hans*. Nationalism: Its meaning and history. New York: Van Nostrand, 1955.
2. *Greenfeld Liah*. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1993.
3. *Филиппова Е., Филиппов В.* Государство и общество перед лицом социального кризиса (две парадигмы: российская и французская) // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад 2005 / Под ред. *В. Тишкова* и *Е. Филипповой*. М.: УОП ИЭА РАН, 2006.
4. *Понкин И. В.* Ислам во Франции. М.: Изд-во Учебно-научного центра довузовского образования, 2005.
5. *Любарт М. К.* Арабы-мигранты в современной Франции // Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия / Отв. ред. *М. Ю. Мартынова*. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 234 - 260.
6. *Кудрявцев А. В.* Мусульмане во Франции // Россия и мусульманский мир. 2002. N 11. С. 155 - 168.
7. *Куропятник А. И.* Иммиграция и национальное общество: Франция. // Социология и социальная антропология. 2005. Том VIII. N 4(33). С. 136 - 165.
8. *Н. Деминцева Е. Б.* Быть "арабом" во Франции. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
9. *Tribalat Michele*. Une estimation des populations d'origine etrangere en France en 1999 // INED Population. 2004. N1. С. 51 - 81.
10. *Tribalat Michele*. De Immigration a l'assimilation: enquete sur les populations d'origine etrangere en France. Paris: La Decouverte, 1996.
11. *Schnapper Dominique*. Qu'est-ce que l'integration? Paris: Gallimard, 2007.
12. Les immigres en France: une situation qui evolue // INSEE Premiere. 2005. N 1042.
13. *Richard Jeans-Luc*. Partir ou rester? Destinees des jeunes issus de l'immigration. Paris: PUF, 2004.
14. *Brouard Sylvain, Tiberj Vincent*. Rapport au politique des Francais issus de rimmigration. Paris: CEVIPOF-Sciences Po, 2005.
15. Из интервью автора с Эрве Фланкарком (Herve Flanquart).
16. Из интервью автора с Ривой Касториано (Riva Kastoryano).
17. *Pichler Florian*. Cosmopolitanism and Identity in Europe from Below: a matter of social divides? // Материалы 8-й Конференции Европейской социологической ассоциации. Глазго, 2007. Сентябрь.

18. Из интервью автора с Натали Какпо (Nathalie Kakpo).
19. L'Election présidentielle: le vote en fonction de la religion et de la pratique religieuse. Sondage Sortie des Urnes // CSA-CISCO. 2007, апрель.
20. *Weil Patrick*. La Republique et sa diversite. Paris: Seuil, La Republique des Idees, 2005.
21. *Laurence Jonathan, Va'isse Justin*. Integrer l'Islam. La France et ses musulmans. Enjeux et reussites. Paris: Odile Jacob, 2007.
22. *Castel Robert*. La discrimination negative. Citoyens ou indigenes? Paris: Seuil, La Republique des Idees, 2007.
23. Actes du Colloque Statistiques "ethniques" - 19 octobre 2006 // Centre d'analyse strategique. 2006. Ноябрь.
24. Liberation. 22 февраля 2007.
25. Le Monde. 13 марта 2007.
26. Из интервью автора с Катрин Витоль Де Вандэн (Catherine Wihtol de Wenden).
27. *Wenden Catherine Wihtol de, Leveau Remy*. La bourgeoisie. Paris: CNRS, 2007.
28. *Brouard Sylvain, Tiberj Vincent, Perrineau Pascal*. Francais comme les autres? Enquete sur les citoyens d'origine maghebine, africaine et turque. Paris: Presses de Sciences Po, 2005.
29. Le Nouvel Observateur. 2003. 14 октября.
30. *Viprey Mouna*. L'insertion des jeunes d'origine etrangere// Le Conseil Economique et Social. 2002. Сентябрь.
31. *Levine Robert A*. Assimilating Immigrants. Why America Can and France Cannot? // RAND Europe. OP-132-RC. 2004. Июль.